

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «НАДЕЖДА» В РУССКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

© 2019 г.

*Мохаммад Мохаммадиан суге**Мазандаранский государственный университет, Иран*

reportash@gmail.com

Поступила в редакцию 28.04.2018

Дается интерпретация национально-обусловленного содержания в единицах и категориях естественного языка на разных уровнях системы и ее речевой реализации на примере сопоставительного концептуального анализа когнитивных признаков концепта НАДЕЖДА и ОММИД/ОМИД соответственно в русском и персидском языковом сознании. Исследование показало, что в ядерной части своего концептуального содержания эти концепты сопоставимы, так как имеют сходный состав большинства когнитивных признаков. Некоторые концептуальные различия связаны с национально-культурной спецификой концепта. Так, в персидском варианте не обнаружено связи с ВЕРОЙ и модальной семантики – выражения слабой степени уверенности (связанной с русским АВОСЬ). При этом в персидском языке имеется определенная десемантизация этого концепта, связанная с его употреблением в этикетной речевой формуле прощания, что в русском языке представлено в гораздо меньшей степени.

Ключевые слова: концепт «надежда», сопоставительный анализ концептов, лингвокультурология, русский язык, персидский язык.

Введение

Настоящее исследование посвящено интерпретации национально-обусловленного содержания в единицах и категориях естественного языка на разных уровнях системы и ее речевой реализации на примере сопоставительного концептуального анализа когнитивных признаков концепта НАДЕЖДА в русском и персидском языковом сознании.

Лингвокультурологические исследования концептов национальной культуры в наши дни являются одним из самых главных научных инструментов, с помощью которых мы можем проникнуть в глубинное культурно-значимое содержание, стоящее за словами и выражениями, моделями и категориями национального языка и связанное с выражением особенностей мировосприятия, системы идеалов и ценностей, коммуникативных моделей и речеведенческих установок этноса.

Человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости национальной ментальности, культуры народа отражаются в его языке, который особым, национально-специфическим способом фиксирует в себе образ мира и человека в мире, что и составляет существо национальной идентичности.

Цель исследования – описание содержательных и структурных особенностей языковой организации концептов НАДЕЖДА и ОММИД/

ОМИД в сопоставительном аспекте по данным русского и персидского языков.

Теоретической базой работы являются самые актуальные положения лингвистического антропоцентризма и лингвистического когнитивизма, этнолингвистики и лингвокультурологии, концептуального анализа ключевых идей и понятий национальной культуры, которые основаны на принципах анализа языковой концептуализации мира как источника образования феномена «языковой ментальности», изложенные в работах [1–6]. В работе использована методика концептуального анализа, разработанная на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского [7–9]. Материалом исследования являются данные основных словарных источников – русских и персидских толковых и двуязычных словарей [10–20].

**Концепт НАДЕЖДА
в русской национальной концептосфере**

Концепт НАДЕЖДА выступает в качестве одного из базовых русских ключевых концептов, формирующих в совокупности неповторимый «русский мир», ментальность русского человека, национальную концептосферу. Он входит в знаменитую «русскую триаду» «**Вера – Надежда – Любовь**». Вместе со словами *Вера* и *Любовь* слово *Надежда* является одним из самых распространенных русских личных женских имен, что еще раз подчеркивает его значимость.

Концепт НАДЕЖДА связан с концептом ВЕРА, что отражается в словарном толковании существительного *надежда* через идею веры: «НАДЕЖДА – вера в возможность осуществления чего-то радостного, благоприятного» [16]. В свою очередь, глагол *надеяться*, по мнению В.И. Даля, связан с другим базовым русским концептом, о котором писала еще А. Вежибицкая [2], – с концептом *авось*: «НАДЕЯТЬСЯ – на что, верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желанья вероятным; это частица *авось*, выраженная глаголом» [12].

Наши наблюдения подтверждает и материал книги Т.Б. Радбиля «Основы изучения языкового менталитета», где дается следующая краткая характеристика концепта НАДЕЖДА: «Русский уникальный концепт *надежда* связан с *верой* (1), что видно уже из его словарного толкования ‘**вера** в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного’. Этим он отличается от соответствующих концептов в английском (*hope*) или во французском (*espérance*): в русском слове отсутствует имеющийся в этих словах компонент смысла ‘уверенность в возможности осуществления’. Русский концепт *надежда*, в ряду других русских ключевых представлений, отражает идею непредсказуемости и неконтролируемости – сравним русский возвратный глагол *надеяться* (где состояние замкнуто в сферу субъекта и не переходит на объект) и английский переходный глагол *hope*, отражающий представление об активности действия и его направленности на объект (надежды)» [3].

На первоначальном этапе анализа, в соответствии с принятой методикой исследования, выявляются когнитивные признаки концепта по данным словарных толкований слов – репрезентантов концепта. Мы взяли два базовых репрезентанта – существительное НАДЕЖДА и глагол НАДЕЯТЬСЯ.

Такое двухкомпонентное представление концепта вполне соответствует двум ипостасям НАДЕЖДЫ в русской лингвокультуре:

(1) НАДЕЖДА мыслится как интенциональное (внутреннее) состояние человека, что обычно выражается акциональным (глагольным) предикатом;

(2) НАДЕЖДА мыслится как переживаемое человеком сложное психологическое чувство («культурная эмоция», по Ю.Д. Апресяну [21]), выступающее в качестве результата испытываемого внутреннего состояния, что обычно выражается абстрактным именем существительным.

При этом рассматривались не только особенности лексической семантики, но и специ-

фика грамматического «поведения» слов, а именно: выражение концептуально значимых граммем, например, таких как *абстрактность/конкретность, единичность/множественность* (для существительных), *возвратность, непереходность* и пр. (для глаголов), так как это, по нашему мнению, также должно учитываться при выявлении совокупного смыслового наполнения концепта.

По глаголу НАДЕЯТЬСЯ (НА) исследование таких словарей, как [10; 13; 16; 18–20], дало следующие результаты (приводим в обобщенной форме).

– Рассчитывать на что-либо, возлагать надежду на что-нибудь;

– Полагаться на кого-нибудь, быть уверенным в ком-либо;

– В значении вводного слова *надеюсь* (модальность слабой степени уверенности говорящего).

Нетрудно видеть здесь общий смысловой компонент предположения, которое основано на субъективных ощущениях, но при этом не подкреплено логической аргументацией. Внутреннее состояние, описываемое глаголом *надеяться*, обращено всегда в будущее, оно проспективно, также содержит в себе некий элемент непредсказуемости, что, собственно, и связывает его с концептом АВОСЬ. При этом объектом надежды может быть как одушевленное существо, так и неодушевленная сущность. При этом важно, что, как и в случае с концептом ВЕРА в глагольной языковой реализации *верить*, что отмечалось, например, в работе М.Г. Селезнева: «Отметим, прежде всего, некую "несимметричность" веры по отношению к добру и злу: предмет веры – скорее нечто хорошее, нежели нечто плохое» [22, с. 247], *надеяться* (как и *верить*) тоже можно скорее на что-то хорошее, нежели на что-то плохое.

По существительному НАДЕЖДА исследование таких словарей, как [10; 12; 13; 16; 18–20] дало следующие результаты (приводим в обобщенной форме).

– Вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного;

– ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении;

– то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот;

– тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие;

– (в фразеологизме *подавать надежду/-ы*): проявлять способности в начале какой-нибудь деятельности;

– (в фразеологизме *вся надежда на кого-что* (разг.): помочь, выручить может только кто-что-нибудь).

Здесь снова отмечается связь надежды и веры, а также, вопреки выводам Т.Б. Радбиля, мы видим компонент «уверенность в осуществлении», возможно, он развивается как семантическая калька с западных языков. Также важными смысловыми компонентами представляются идея ожидания, отражающая перспективный характер надежды, ее устремленность в будущее – и связь чувства надежды с чем-то благоприятным (успех, радость, благополучие). Еще один смысловой компонент надежды соотносит ее с идеей *надежности*, т. е. того, на что можно положиться: с этим связаны производные смыслы – способности как условие надежности, помощь как результат надежности и пр.

В результате исследования словарей по двум словам – репрезентантам концепта *надежда* и *надеяться* – мы получаем следующий набор когнитивных признаков концепта НАДЕЖДА, который, в соответствии с принятой концепцией исследования, признается в качестве смыслового ядра концепта.

1. Вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного;

2. Ожидание чего-нибудь благоприятного в сочетании с уверенностью в его осуществлении;

3. То, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот;

4. Тот (или то), кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие;

5. Проявление способностей в начале какой-нибудь деятельности;

6. Вера в возможную помощь, поддержку;

7. Состояние рассчитывания на что-либо;

8. Состояние уверенности в ком-нибудь;

9. (Для функции вводного слова *надеюсь*) выражение субъективной модальности слабой степени уверенности говорящего в чем- / ком-либо.

10. (Для глагола в функции пропозициональной установки: *Надеюсь, что Р.*) предположение о соответствии пропозиции (положения дел = Р.) некоему идеалу (чему-то хорошему) или устремлениям субъекта пропозициональной установки.

Концепты НАДЕЖДА и ОММИД/ОМИД (امید) в свете сопоставительного анализа

В персидском языке концептуальное содержание НАДЕЖДА в целом коррелирует с соответствующим русским концептом. Чаще всего русское слово *надежда* по-персидски передается словом *оммид/омид* (امید), вариант *омидвари* (امیدواری). Также имеются устойчивые сочетания (как в русском), которые можно по-русски приблизительно передать как *обретать надежду* (на ч.-л.) – *оммидвар шодан бэ*

или *подавать надежду* (к.-л.) – *бэ каси оммид дадан* [11].

В «Персидско-русском словаре» Ю.А. Рубинчика дается важное для нашего исследования указание, что персидское *оммид*, помимо *надежды*, можно трактовать как *упование, чаяние*. В этом же словаре приводится такое устойчивое сочетание с компонентом *надежда*, как *терять надежду* (= отчаиваться) – *омид боридан*. В данном словаре есть также указание на возможность употребления предложно-падежного сочетания с компонентом «надежда» в пропозициональной установке при изъяснительном придаточном: *В надежде на то, что ... – бэ омиде инкэ (анкэ)* [17] – примерно соответствует русской глагольной конструкции: *Надеюсь, что Р.*

В «Русско-персидском словаре» И.К. Овчинниковой, Г.А. Фуругяна и Ш.М. Бади русскому слову *надежда* соответствуют три персидских слова: *омид, тавакол, чеши даит* [5], которые акцентируют различные аспекты концептуального содержания НАДЕЖДА: «упование (чаяние)»; «ожидание ч.-л. благоприятного»; «уверенность в ч.-л./к.-л.»; «то, на что можно надеяться». Также важно, что в двухтомном «Энциклопедическом словаре персидского языка» М. Моина *надежда* синонимизируется со словами, которым в русском языке примерно соответствуют лексемы *ожидание* и *уверенность* [14].

Отметим, что в персидском языке компонент с семантикой «надежда» используется также и в этикетной формуле прощания: *оммид даитан (бастан)*, что примерно соответствует русской этикетной формуле прощания *До свидания, до скорой встречи!* [17]. В русском языке тоже возможны этикетные формулы с компонентом «надежда» типа *С надеждой на скорую встречу!* – но, как видим, у русской формулы несколько иные коммуникативные условия и прагматические функции.

Глагола, полностью соответствующего русскому *надеяться*, в персидском языке нет: в силу аналитического строя языка это состояние выражается описательно, посредством устойчивых сочетаний десемантизованного глагола и имени: (1) *иметь надежду (на ч.-л.)* (= *рассчитывать*) – *омид даитан бэ*; (2) *полагаться (на к.-л.)* (= *быть уверенным*) – *омидвар будан* [11]. В «Русско-персидском словаре» И.К. Овчинниковой, Г.А. Фуругяна и Ш.М. Бади в значении «полагаться (на к.-л.)» дается еще два устойчивых сочетания *этминан дадан* и *мотмазн будан* [15]. В «Персидско-русском словаре» Ю.А. Рубинчика для *надеяться* приводится еще одно устойчивое глагольное сочетание *омид даитан*, которое примерно соответствует рус-

скому *питать надежду/возлагать надежду* (на к.-л./ч.-л.) (=уповать (на к.-л./ч.-л.)) [17].

Таким образом, смысловое наполнение концепта НАДЕЖДА в персидском языке воплощается в следующих когнитивных признаках:

1. Упование, чаяние (субъективная убежденность в возможности осуществления ч.-н. радостного, благоприятного);

2. Ожидание чего-нибудь благоприятного в сочетании с уверенностью в его осуществлении;

3. То, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот;

4. Состояние рассчитывания на ч.-л. (= иметь надежду, т. е. рассчитывать на ч.-л.);

5. Состояние уверенности в к.-л. (= полагаться на к.-л., быть уверенным в к.-л.);

6. В функции пропозициональной установки: *В надежде на то, что P.*;

7. В этикетной формуле прощания (= *до скорой встречи*).

Сопоставительный анализ смыслового наполнения русского концепта НАДЕЖДА и его персидского аналога показал, что в основе, в ядерной части концептуального содержания, эти концепты сопоставимы, так как имеют сходный набор большинства когнитивных признаков: «упование, чаяние (субъективная убежденность в возможности осуществления ч.-н. радостного, благоприятного)»; «ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении»; «то, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот»; «состояние рассчитывания на ч.-л.; состояние уверенности в к.-н.»; «функции пропозициональной установки: *В надежде на то, что P.*».

Некоторые концептуальные различия, на наш взгляд, как раз и связаны с национально-культурной спецификой концепта. Так, в персидском варианте не обнаружено связи с ВЕРОЙ и модальной семантики – выражения слабой степени уверенности (связанной с русским АВОСЬ). При этом в персидском языке имеется определенная десемантизация этого концепта, связанная с его употреблением в этикетной речевой формуле прощания, что в русском языке представлено в гораздо меньшей степени.

Выводы

Традиционные методы сопоставительного анализа ограничивают его сферу приложения исключительно строевыми уровнями языковой системы (фонетика, морфемика, лексика, грамматика). Однако представляется, что современный научный инструментарий сопоставительной лингвистики существенно расширяет свои возможности, позволяя исследовать культурно-

значимую информацию, стоящую за единицами, моделями и категориями национального языка.

В частности, проведенное нами исследование продемонстрировало, как можно применять методики и приемы сопоставительного (контрастивного) анализа ключевых концептов национальной культуры для выявления национально-обусловленных идей и представлений, связанных с особенностями языковой картины мира этноса, его национального характера, которые воплощены в естественном языке. При этом сопоставление таких разных в языковом и культурном отношении языковых сообществ, как русская и персидская лингвокультуры, обнаруживает значительное сходство в ядерном содержании ключевых культурных концептов, таких как НАДЕЖДА, хотя прослеживаются и значимые концептуальные различия, связанные с национально-культурной спецификой бытования концептов в языковом сознании.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. науч. тру. / ИЯ АН СССР / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 3–5.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
3. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. Изд. 4-е, стереотип. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.
4. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. науч. трудов. Н. Новгород, 1996. С. 11–28.
5. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
6. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. С. 50–58.
7. Горшкова Т.М., Ручина Л.И., Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2003. № 1. С. 124–130.
8. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (26). С. 5968–5971.
9. Сайгин В.В. ГРЕХ vs. ПОКАЯНИЕ в концептосфере русской культуры: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 82–93.
10. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
11. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. М.: АСТ, Восток-Запад, 2008. 867 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. 779 с.

13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2006. Т. 2. 1168 с.
14. Моин М. Энциклопедический словарь персидского языка: В 2 т. Тегеран: Кэтаб-э рах-э но, 2002.
15. Овчинникова И.К., Фуругян Г.А., Бади Ш.М. Русско-персидский словарь. 9-е издание. Тегеран: Jāvedān-e xerad, 2009. 1092 с.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 15-е изд., дополненное / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
17. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. М.: Русский язык, 1970. 1613 с.
18. Словарь русского языка: В 4 т. [МАС] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 732 с.
19. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [БАС]. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 7. 752 с.
20. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 2. 1090 стб.
21. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
22. Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. Тр. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1988. С. 244–254.

THE CONCEPT «NADEZHDA» («HOPE») IN RUSSIAN AND PERSIAN LINGUO-CULTURES

Mohammad Mohammadian Souteh

The article deals with interpretation of nationally conditioned content in natural language units and categories at the different levels of the system and its speech realization using the example of the contrastive conceptual analysis of cognitive markers of the concept «nadezhda» and «omid / ommid» («hope»), accordingly, in Russian and Persian language consciousness. The research shows that in the nuclear part of their conceptual content these concepts are comparable, since they have similar sets of most cognitive markers. Some conceptual differences are related to the national and cultural specific features of the concept. Thus, correlation with VERA («faith») and with modal semantics representing a weak degree of confidence (related to Russian AVOS' («by guesswork»)) is not detected in the Persian variant. At the same time, a certain desemantization of the concept occurs in the Persian language, which is related to its usage in a farewell etiquette speech formula, while a similar phenomenon is far less represented in Russian.

Keywords: the concept «nadezhda» («hope»), contrastive conceptual analysis, linguo-culturology, Russian language, Persian language.

References

1. Arutyunova N.D. Ot redaktora: Vstupitel'naya stat'ya // Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty: Sb. nauch. tru. / IYA AN SSSR / Отв. ред. N.D. Arutyunova. М.: Nauka, 1991. S. 3–5.
2. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / Отв. ред. i sost. M.A. Krongauz. М.: Russkie slovari, 1997. 412 s.
3. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: Ucheb. posobie. Izd. 4-e, stereotip. М.: Flinta; Nauka, 2016. 328 s.
4. Radbil' T.B. O termine i ponyatii «ideologema» // Chelovek i ego yazyk: antropologicheskij aspekt issledovaniya: Sb. nauch. trudov. N. Novgorod, 1996. S. 11–28.
5. Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya. М.: Izdatel'skij dom YASK, 2017. 592 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura.)
6. Radbil' T.B. Yazykovaya anomalija kak norma hudozhestvennogo diskursa // Filologicheskie nauki. 2006. № 6. S. 50–58.
7. Gorshkova T.M., Ruchina L.I., Izuchenie konceptov v russkoj narodnoj skazke (lingvisticheskij aspekt) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Filologiya. 2003. № 1. S. 124–130.
8. Radbil' T.B., Sajgin V.V. Kognitivnye priznaki i yazykovaya ob'ektivaciya koncepta «dobrodetel'» v sovremennom russkom yazyke // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2 (26). S. 5968–5971.
9. Sajgin V.V. GREKH vs. POKAYANIE v konceptsfere russkoj kul'tury: lingvokognitivnyj aspekt // Nauchnyj dialog. 2016. № 1 (49). S. 82–93.
10. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
11. Voskanyan G.A. Russko-persidskij slovar'. М.: AST, Vostok-Zapad, 2008. 867 s.
12. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. М.: Russkij yazyk, 1981. Т. 2. 779 s.
13. Efremova T.F. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 3 t. М.: AST; Astrel'; Harvest, 2006. Т. 2. 1168 s.
14. Moин M. Ehnciklopedicheskij slovar' persidskogo yazyka: V 2 t. Tegeran: Kehtabeh raheh no, 2002.
15. Ovchinnikova I.K., Furugyan G.A., Badi Sh.M. Russko-persidskij slovar'. 9-e izdanie. Tegeran: Jāvedān-e xerad, 2009. 1092 s.
16. Ozhegov C.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij. 15-e izd., dopolnennoe / РАН, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. М.: Azbukovnik, 1998. 944 s.
17. Rubinchik Yu.A. Persidsko-russkij slovar'. М.: Russkij yazyk, 1970. 1613 s.
18. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [MAS] / РАН, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. М.: Rus. yaz.; Poli-grafresursy, 1999. Т. 2. 732 s.

19. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [BAS]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. T. 7. 752 s.
20. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Terra, 1996. T. 2. 1090 stb.
21. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznanija. 1995. № 1. S. 37–67.
22. Seleznev M.G. Vera skvoz' prizmu yazyka // Pragmatika i problemy intensional'nosti: Sb. nauch. Tr. / Otv. red. N.D. Arutyunova. M., 1988. S. 244–254.